

Варлей
Наталья

Жанс правда - 1994 - 6 абз

«Кавказская пленница»

В ЭПОХУ КРАСНЫХ ПИДЖАКОВ

Наталья Варлей в последнее время чаще поет, чем снимается...

О кино...

— Вы где-то снимаетесь сейчас?

— За последние два года я снялась только в двух картинах. В «Маленьких человечках из Большевикского переулка» Андриуши Милокова (этот фильм получил вторую премию на фестивале Русского Кино во Франции) и в «Волшебнике Изумрудного города» Павла Арсенова.

Сейчас можно сниматься совершенно спокойно, потому что знаешь, что никто никогда этого не увидит. Кино стало элитарным, фестивальным. Кино делается с прикидкой: а будут ли смотреть там?

В результате люди идут на «Терминатора-2», потому что, если смотреть боевики, то лучше, конечно, посмотреть оригинал, а не нашу доморощенную копию.

Я была в Эфиопии году в 1986-м. На встрече с эфиопскими любителями советского кинематографа. Мы привезли «Пиратов XX века»... И из первого ряда встает пожилой эфиоп. И говорит: «Ну как же вам не стыдно? Вы снимали фильмы, которые вошли в десятку лучших фильмов мирового кино — «Балладу о солдате», «Летят журавли», — а теперь снимаете, как американцы. Зачем снимать к а к, когда у вас есть свое кино? Зачем? Лучше американцев американские фильмы вы не сделаете. А свое лицо вы потеряете».

Он был прав. Наши фильмы стали смыкаться по тематике с американскими. А потом американские просто вытеснили наши.

А те наши фильмы, в которых всегда было главное — ДУША... душа народа, — вот этих фильмов практически нет.

— Ушли романтика и красота?

— Да, вы очень точно сказали. Поэтому и появляется потребность в мыльных операх. Ушли именно романтика и именно красота.

— Давайте начнем сначала. Вы пришли в кино. Гайда можно назвать человеком, который вас сделал?

— Он дал мне дорогу в жизнь.

Моя первая картина была «Формула радуги» Юры Юнгвальд-Хилькевича. Я думала, что этим мой опыт работы в кино закончится. Я работала тогда в цирке. Но на съемках меня увидела ассистентка Гайда.

Одновременно подоспел Самсон Самсонов с фильмом «Арена», где я должна была играть гимнастку. Мне это было ближе, и я пребывала в колебаниях. Потому что Самсонов меня утвердил.

И одновременно у меня шли пробы у Гайды — и там тоже меня утвердили. Гайдай договорился, и меня взяли к нему. Мне казалось, что я как актриса ничего не умею, что у меня мало опыта. Я комплексовала, я вообще человек застенчивый, как ни странно. Но время показало, впрочем, что я не ошиблась в выборе, — как и Гайда...

Моя работа в «Кавказской пленнице» мне стала нра-

виться только сейчас. Тогда ощущение от моей работы у меня было ужасным. Вся моя заслуга, как мне казалось, была только в том, что я не подвела Гайда.

У нас были отношения учителя и ученицы. Я снялась еще в «12 стульях» — и больше мы в работе не встречались. Его уход из жизни я очень трагически восприняла. Захлопнулась книга. До его ухода было ощущение дальней перспективы. Потом появилось понятие НИКОГДА.

— «Кавказская пленница» стала сейчас чемпионом видеопроката?

— Лучше комедии нет. Замечательные комедии можно пересчитать по пальцам одной руки. Грустные рязановские, данелиевские... А вот такие замечательные — легкие, веселые, неглупые... ее смотрели во всех уголках Земли. Более популярной картины в моей биографии нет. В гайдаевской — тоже. Это картина № 1.

У меня много претензий к себе, но картину любят и смотрят... По-другому пошла бы судьба, если бы не Гайдай.

О жизни...

— У вас в жизни было много счастливых случаев?

— Я считаю, что все в судьбе — счастливые случаи. Хотя, если говорить о том, легко или трудно строилась моя жизнь, она строилась трудно по всем параметрам.

— В вашей жизни был принцип, «что бы ни случилось, шоу должно продолжаться»?

— Этому принципу я следовала очень долго, в том числе в театре Станиславского, где проработала восемь лет. Мне очень от многого приходилось отказываться и в личной жизни, и в творческой. Мне приходилось уделять слишком мало времени воспитанию старшего сына...

Если бы тогда искусство было в том состоянии, в каком оно сейчас, и на чаши весов были бы поставлены проблемы искусства и проблемы моей семьи, — конечно бы, вторая чаша перетянула. Вне всякого сомнения.

— Чего вы боитесь?

— Я боюсь за своих детей. Не потому, что чикатилы появились всякие, а просто очень много аморальных людей. Просто все страшно. Все, что угодно, пусть случится со мной, — лишь бы с ними все было хорошо. Я невероятная наследка.

— Что вас подпитывает?

— По большому счету — общение с детьми, с природой. И главная подпитка — Религия.

— А вы можете простить человека, который подло поступил по отношению к вам?

— Да. Было несколько моментов, когда я приезжала к своему духовному отцу в отчаянном состоянии. Он говорил: «Только не надо ненавидеть!». Есть молитва: «Не навидящих и обидящих нас — прости». Т. е. человек не только прощает врага, но просит и Бога, чтобы и он простил его прегрешения.

— Какие праздники вы отмечаете?

— Три главных праздни-

ка — Новый год. В моей жизни было только три случая, когда я отмечала его вне дома. Рождество. Пасха. И дни рождения.

— Вы украинка по национальности?

— Нет, Варлей — это английская фамилия, уэльская. Мои предки давно приехали в Россию. Они, говорят, были жокеями в конюшне. А по бабушке иной линии я французенка, Барбот де Марни.

— А в школе у вас был кумир?

— Я училась в школе только до седьмого класса, потому что потом пошла в цирковое училище. И это был как раз отрезок времени, когда появился Робертини Лоретти: я в него влюбилась. Я стала учить итальянский язык, чтобы понимать, о чем он поет. Стала слушать итальянскую оперу... Он не был кумиром. Но это был...

— Молодой человек, который очень вам нравился?

— Да.

О «Дикой Розе»...

— Очень многие пронизывают по этому поводу. И я тоже иронизировала бы, наверное, если бы не была... в этом замешана.

— Как вас выбрали?

— Как это всегда бывает. Приглашается довольно большая группа актеров. Пробуют голоса.

Когда мне позвонили и сказали, что я утверждена именно на Розу, я была слегка огорчена. Потому что материал, честно говоря, не очень благодатный. Хотя сейчас я не вижу недостатков Кастро в этой роли. Я не слышу эту ее невероятную сбивчивую, спотыкающуюся, с заиканиями речь.

Они страшно орут, речь у них состоит из междометий: «Ай, ой, эй, да», но

все это огромными монологами, — и Кастро при этом все время вытирает нос, сморкается, хохочет, плачет, всхлипывает. И если пишешь большой синхронный монолог и забываешь всхлипнуть, вся работа пропадает. Приходится начинать снова.

Мы начинали работать в десять утра и оканчивали работу в восемь, девять вечера. Четыре месяца подряд.

— Вам нравится в этой роли Кастро?

— До этой картины она мне резко не нравилась. Когда я посмотрела первый кусочек на пробе. Я была просто шокирована. И первое впечатление — фальшь. И она меня просто резко оттолкнула.

А суть актерской профессии в том, что влюбляешься в свою работу, в свою роль. Надо это полюбить и этим жить. Как иначе?.. Где-то к стопятидесятой серии мы стали получать удовольствие от того, что мы делаем, и как-то сопереживать своим героям...

А в последний день мы писали пятиминутную, безостановочную сцену. Писали без перерыва. Все это время герои на экране ревели. И мы с Володей Конкиным прорыдали вместе с ними. Нам не надо было входить в роль.

Итог всего — она у меня не вызывает чувства неприязни. Я ее люблю. Я ее воспринимаю. Самое смешное, что сейчас начинаешь смотреть, и происходит странный фокус: я вижу Кастро, и мне кажется, что это я...

Знаете, сейчас я понимаю смысл того, что все сидят и сериалы смотрят. Это очищено от политики, от грязи, мусора жизни. Суть в каких-то человеческих взаимоотношениях: любви, отставания любви, верности, ревности... Какие-то элементарные, казалось бы, чувства, но они вечные, ведь это жизнь, на этом,

если вдуматься, и Шекспир, и Чехов, и Достоевский... Я тоже понять не могла: как вам нравятся эти сериалы? Мне отвечали: ну как же, ведь это про ЖИЗНЬ...

...и даже о политике!

(В октябре 1993-го, после расстрела «Белого дома», Варлей дала полосное интервью газете «День». После этого ее стали считать одним из лидеров патриотического движения. Ее позиция на этот счет очень проста. Возможно, многих — тех, кто не читает «День», — она приведет просто в шок. — Д. К.)

— Русские стреляли в русских...

Это была гражданская война. В центре Москвы. Пусть она длилась несколько часов. При чем это была война, возникшая из президентского указа, которым была нарушена никем не отмененная Конституция. Парламент спорил, и он имел полное право на это. По моему мнению, это была провокация. Потом очень многие восприняли из-за пропаганды эти события так, как было выгодно кому-то. То, что говорил Ельцин, — «это трагедия!», — это чудовищное лицемерие. Это же допустил эту трагедию?

Я не могу забыть тот день. Он мне врезался в память. Как страшный сон: неужели это не кошмар, проснешься — и все на самом деле? Нет, не сон. Есть вещи, понять которые невозможно.

— После того как вы дали этой газете интервью, у вас не исчезли друзья?

— Нет. Наоборот... Мои родители были, правда, в ужасе. Они поверили, что в «БД» сидели монстры и что правильно сделали, когда их расстреляли. Я никогда в жизни не рыдала так, как тогда, когда они позвонили мне...

— Из-за родителей?

— Не из-за родителей, а из-за всей этой ситуации. Из-за того, что часть народа... считает возможным объяснить этот расстрел тем, что там монстры. То есть дикости этой ситуации очень многие так и не поняли.

— Вас называют лидером патриотического движения?

— Кто лидер? Я? Нет, я просто патриотка, я «за» патриотов.

— Что это такое?

— Патриот — это человек, который любит свой дом. Когда начинаешь говорить об этом, получают какие-то громкие слова — Родина, Россия... Дом — это место, где я живу. Это моя земля, мой корень, мой воздух. Как это можно не любить, как можно говорить «эта страна»?... Это все равно, что в присутствии человека сказать «этот человек»... Любить свой дом — это нормально, и все.

Мне кажется, что любая судьба любой страны строится на патриотизме. Иначе — это просто стереть, сравнить с землей.

...Я вовсе не лидер. И никакую армию за собой не веду. Просто я высказала свое мнение.

И все.

Денис КОРСАКОВ.
Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА.